

**Рецензия на выпускную квалификационную работу обучающейся СПбГУ
Петровских Марии Александровны
на тему «Проблемы комментирования романа А.Ф. Писемского
«Взбаламученное море»: от реалий к тексту»**

Магистерская работа М.А. Петровских посвящена теме, которая последнее время привлекает все больше внимания исследователей, изучающих процесс развития романного жанра в России середины и второй половины девятнадцатого века. Романы Алексея Писемского по разным причинам (грамотно описанным и проанализированным во введении к данной диссертационной работе) не входили в круг интересов как советского, так и зарубежного литературоведения в последние семьдесят лет. Однако в последнее десятилетие в отечественной и зарубежной славистике наметился очевидный интерес к творчеству Писемского - одной из ключевых фигур на литературной сцене середины девятнадцатого века в России. Диссертация Петровских ставит проблему взаимосвязи комментирования и исследования поэтики романа А.Ф. Писемского «Взбаламученное море», конкретно – комментирования двух аспектов поэтики романа, системы персонажей и сюжетного строя, в контексте теории фикциональности Р. Уэлша и теории разграничения литературного поля П. Бурдьё.

Работа Петровских состоит из введения, четырех глав, посвященных анализу критических источников и описанию ключевых аспектов поэтики романа, и заключения, в котором подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Во **введении** автор приводит краткий, но тем не менее подробный обзор литературы о романе, воссоздавая критическую историю его восприятия. Также автор представляет объект и предмет исследования, которыми в данном случае являются роман «Взбаламученное море» (необходимо, однако, уточнить, в каком издании) и особенности его поэтики, определяет цели и задачи работы: обратившись к категории фикциональности, проследить, как исторические реалии, изменяются в тексте романа Писемского; выяснить, представлена ли, таким образом, в романе Писемского специфическая стратегия изображения действительности, а также 1. Рассмотреть как роман был воспринят различными группами критиков-современников Писемского; 2. Исследовать оппозицию «искусство-действительность» в работах критиков и художественной структуре романа; 3. Описать образы персонажей Нахимова и Постскрипского в контексте теории фикциональности.

В основной части работы М.А. Петровских эти задачи решаются последовательно и убедительно.

В первой главе в центре внимания М.А. Петровских оказываются отзывы современников на роман «Взбаламученное море». Опираясь на теорию поля литературы П. Бурдьё, Петровских описывает два противостоящих лагеря литературных критиков шестидесятых годов с точки зрения их приверженности пониманию поля литературы как гетерогенного или автономного. Анализ Петровских выглядит убедительным и позволяет по-новому взглянуть на тексты и персоналии, подробно описанные в классических трудах Б. Егорова и Ч. Мозера – не малое достижение для магистерской работы. Действительно, высокий уровень нарративной само-рефлексии, характерный как для критических статей, так и для публицистики этого периода, позволяет распространить категории Бурдьё, обычно используемые для характеристики научных работ, на критические работы и взгляды, выраженные в мемуарных источниках. Автор анализирует статьи и отзывы А. Григорьева, Б. Зайцева, П. Анненкова, Е. Эдельсона, М. Антоновича и других. Действительно, как

отмечает автор, «полемика по поводу «Взбаламученного моря» показательна и для развития русской критики в начале 60-х годов», и таким образом, анализ Петровских имеет ценность, выходящую за пределы данной магистерской работы. Одним из направления будущей работы Петровских может стать, например, попытка историзации взглядов и эстетических категорий, используемых в анализируемых работах, в контексте теории Бурдые, однако это выходит за пределы поставленных и удачно решенных в данной диссертации задач. В итоге представленного в первой главе анализа, Петровских приходит к выводу, что именно анализ природы изображения действительности в романе Писемского может предложить нам ключ к решению проблемы осмысления романа в критических отзывах современников.

Вторая глава, очерчивающая историю термина «фикциональность», посвящена проблеме использования этой категории в анализе литературных текстов в целом и романа Писемского в частности. Хотя представленный обзор использования и функционирования данной категории в интеллектуальной и эстетической мысли середины девятнадцатого века в России может быть дополнен и развернут в будущих работах, он является достаточным в контексте поставленных в диссертации целей и задач. Анализ Петровских показывает, что, вероятно, между Писемским и читателями романа произошел «коммуникативный сбой», природа которого подробно и убедительно описана в главе. По мнению автора, именно принцип воспроизведения исторических реалий разделил критиков Писемского на две группы: тех, кто воспринял роман как неудачное литературное, фикциональное произведение, и тех, кто интерпретировал «Взбаламученное море» как публицистический текст.

В главе третьей, Петровских анализирует стратегию изображения в романе Московского университета, демонстрируя впечатляющее владение навыками архивной работы и знание исторических источников. Петровских обращается к мемуарам современников Писемского и архивным источникам, чтобы проследить, насколько описание Московского университета в романе соответствует действительности. Детально прочитывая две главы романа, Петровских привлекает к сравнительному анализу тексты Герцена, и приходит к выводу, что «роман оказывается не случайной подборкой воспроизведённых из жизни фактов, а повествованием, выстроенным в соответствии с определенной стратегией репрезентации прошлого, соединяющей установку на достоверность и аллюзии на актуальные политические события современности».

Наконец, **в четвертой главе** рассматривается образ Постскрипского, одного из антагонистов главного героя романа, Бакланова, в контексте процессов мифологизации образа Н. Чернышевского и Н. Добролюбова в публицистике шестидесятых годов и мемуаристике. В силу того, что точно определить источники деталей, использованных Писемским при создании образа Постскрипского представляется мало возможным (и, вероятно, не очень продуктивным), здесь анализ текста Писемского и исторических источников выглядит чуть менее убедительным, чем в других главах диссертации. Однако, предположение Петровских о том, что текст Писемского закрепил в культурной памяти некоторые черты образа Чернышевского, ранее не известные широкой публике, кажется верным, хотя и требует дальнейших доказательств.

В заключении четко излагаются итоги наблюдений в связи с определенными изначально целью и задачами.

В работе есть три момента, на которые я хотела бы обратить внимание автора. Первый – вопрос введения нового методологического инструментария. В главах диссертации, Петровских удачно вводит новые термины, снабжая их необходимыми ссылками и кратким историческим комментарием. Однако во введении к работе,

термины теории литературного поля Бурдые используются «раскавыченными», что предполагает их длительное существование в поле современной отечественной науки, не требующее контекстуализации. Кажется, такой подход на данный момент несколько не обоснован: в отличие от категорий формальной школы, которые в российской науке используются в качестве базового инструментария (сюжет, поэтика, система персонажей и т.п.), термины Бурдые имеют менее универсальный статус и нуждаются в контекстуализации.

Второй момент связан с логической формулировкой рабочей гипотезы. Во введении в работу, автор отмечает, что использование эстетических категорий, принятых современниками Писемского, является продуктивным (и, как подразумевается, отчасти новаторским) подходом к изучению творчества писателя. Однако работы, которые цитируются и анализируются в обзоре литературы, представленным автором, пользуются тем же методом контекстуализации, что несколько нивелирует формулировку новаторства действительно оригинального подхода автора. Вероятно, данная формулировка нуждается в уточнении. Действительно, советское литературоведение рассматривало работы Писемского именно с точки зрения их соответствия «прогрессивной» идеологии, однако в последние десятилетия подобный подход к литературным текстам в современной российской науке в целом преодолен.

И, наконец, третий момент – проблема установления авторской интенции в романе «Взбаламученное море», с точки зрения именно интересующего автора диссертации соотношения изображения реальных исторических событий и художественного вымысла. Гипотеза автора строится на изначальном понимании того, что Писемскому удалось реализовать в романе задуманную стратегию изображения исторических событий. Это, однако, весьма спорное утверждение: вопрос о том, насколько роман был успешен именно с точки зрения воплощения в нем изначального замысла Писемского (известного нам по письмам) еще предстоит решить. Сделать это можно было, например, с привлечением большего количества источников, проливающих свет на взгляды Писемского на категорию фикциональности – например, некоторые из его писем, фрагменты из которых цитируются в диссертации по другому поводу, и статьи о Гоголе. Такой подход позволил бы вписать дискуссию о категории фикциональности в более общий разговор о природе русского реализма середины девятнадцатого века и вкладе Писемского в его становление.

Впрочем, данное рассуждение ни в коей мере не умаляет заслуг автора исследования, которая на протяжении всей работы демонстрирует уверенное знание материала и впечатляющее владение техникой литературоведческого анализа.

Исследование М.А. Петровских соответствует всем требованиям, предъявляемым к выпускной квалификационной работе магистра филологии, и заслуживает оценки «отлично».

29 мая 2018 г.

к.ф.н., PhD (DPhil, Oxon), University
Lecturer in Russian, Department of
Russian, School of Modern Languages,
University of St Andrews

М.И. Вайсман